

СЛОВО

во вторую недѣлю великаго поста, при воспоминаніи
страстей Христовыхъ ¹⁾).

О совершенной любви.

*Прежде праздника Пасхи, видый Иисусъ,
яко приде ему часъ, да перейдетъ отъ мира
сею ко Отцу, возлюбъ своя сущія въ мѣртъ,
до конца возлюби ихъ (Іоанн. 13, 1).*

Св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ такими словами предваряетъ свое трогательное повѣствованіе объ умовеніи ногъ Спасителемъ на тайной вечери, объ установленіи таинства евхаристіи, о геосиманскомъ подвигѣ Иисуса Христа, о Его вольныхъ за насъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи. Онъ внушаетъ намъ этими словами, что Иисусъ Христосъ дѣло любви къ людямъ довелъ до конца, что преданныя Ему души Онъ ввелъ въ тихую пристань спасенія, ни на минуту не поколебавшись отдать имъ всю Свою любовь, всего Себя. *Возлюбъ своя сущія въ мѣртъ, до конца возлюби ихъ.* Дѣйствительно, только совершенная любовь, не знающая раздумья, нерѣшительности, сомнѣнія, только любовь божественная могла смириться до умовенія ногъ ученикамъ, до питанія ихъ

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Кіево-Братскаго монастыря 28-го февраля 1914 г.

пречистымъ Своимъ тѣломъ и Кровью и до крестныхъ, Голгоетскихъ страданій.

Если бы мѣръ не забывалъ этой любви, бр., если бы мы неизмѣнно поддерживали въ себѣ огонь ея, то мы не знали бы того горя жизни и тѣхъ бѣдствій, которыя нынѣ окружаютъ насъ на каждомъ шагѣ и отъ которыхъ, повидимому, намъ нѣтъ никакого спасенія. Если бы мы не были черезчуръ размѣренны, расчетливы въ своей любви, не останавливались въ ея проявленіи на полпути, наша жизнь озарилась бы блаженствомъ истиннаго рая. Но мы именно расчетливы, наша любовь половиначата. Вотъ нѣскольکو примѣровъ тому.

Когда колоколь церковный зоветъ насъ въ храмъ, къ службѣ Божіей, то мы благоговѣйно сѣняемъ себя крестнымъ знаменемъ и часто спѣшимъ съ радостью на молитву. А въ эти святые дни четырехдесятницы мы съ особеннымъ усердіемъ внимаемъ чтенію и пѣнію церковному. Развѣ, бр., это не любовь къ Богу Спасителю нашему? Развѣ это не есть проявленіе того священнаго чувства, которое живить нашу душу, подобно огню—попалаетъ въ ней все скверное и влечетъ къ правдѣ, святости, чистотѣ. Но будемъ, бр., справедливы къ себѣ, п. ч. Отецъ небесный *болѣе есть сердца нашего и есть вся*: какъ далеко этой любви отъ совершенства, отъ любви Христовой! Вотъ, окончилась молитва, вышли мы изъ храма,—и что остается отъ нашей любви? Замираютъ божественные глаголы въ нашей душѣ, и смотря на насъ, въ нашей обыденной жизни, когда мы возвращаемся на базаръ житейской суеты, кто скажетъ, что мы любимъ Господа, хотимъ быть Его учениками, хотимъ имѣть Его постоянно въ сердцѣ, чтобы Ему одному только поклоняться и служить? Мы сами, бр., не скажемъ этого, п. ч. мы лучше другихъ видимъ, какъ раздвояется наша душа, какъ неустойлива она въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ, какъ быстро переходитъ она отъ состоянія умиленія и восторга къ состоянію житейскаго задора, оныяненія мірскою суетою, поклоненія разнымъ идоламъ. И.

приходить, бр., что, хотя мы иногда и болтуемъ со Христомъ, и слова льемъ на Его пречистыя ноги, и изъ глубины сердца выдвигаемъ къ Нему: *Господи, ты еси, яко люблю Тея*, однако настоящей, совершенной любви къ Нему у насъ нѣтъ. Если бы мы дѣйствительно любили Его *до конца*, какъ Онъ возлюбилъ насъ, то это заставляло бы насъ во всемъ поступать по Его святой волѣ и отказываться отъ своихъ нагодъ, отъ своей пользы, отъ своего счастья, когда того требуетъ Его божественное ученіе. При настоящей любви мы старались бы прежде всего о томъ имѣть попеченіе, чтобы вездѣ святилось Его имя, чтобы непрерывно расширялось Его царство и люди не пребывали бы въ невѣжествѣ относительно Его св. Евангелія, не удалялись отъ Его спасительной благодати, но охотно становились бы подъ всемогущее воздѣйствіе этой благодати. Въ наше время забота обо всемъ этомъ не занимаетъ почти никого, кромѣ тѣхъ, кто самымъ положеніемъ своимъ къ тому обязанъ. Самое большее, что считаютъ у насъ нужнымъ для дѣла Божія сдѣлать,—это помочь какою—н. матеріальною, денежною жертвою. Посему, разныхъ учрежденій миссіонерскихъ и религіозно-просвѣтительныхъ у насъ не мало, а работающихъ въ нихъ людей очень мало, огдающихъ же имъ всю свою любовь, любовь полную, совершенную, *до конца*—и того меньше. Оттого существованіе этихъ учрежденій часто малоплодно, иногда же и вовсе бесплодно. Только истинная любовь къ Спасителю нашему могла бы оживотворить ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы одухотворить и все наше поведеніе. Только такая любовь могла бы дать намъ силы быть послѣдовательными въ нашей жизни и вѣрными Христу. Ахъ, какъ блаженны были бы мы, бр., если бы сумѣли возлюбить Христа Спасителя *до конца*!

Это блаженство почувствовали бы тогда и всѣ наши ближніе, п. ч. и ихъ мы возлюбили бы совершенною любовью. Теперь наша любовь къ нимъ сдержанна и расчетлива.

Современная жизнь, съ ея соблазнами и искушеніями, съ ея безсердечнымъ отношеніемъ къ человѣческой душѣ, способствуетъ размноженію бѣдности, нищеты, пороковъ и преступленій. На улицахъ нашихъ городовъ и десяти шаговъ нельзя пройти, чтобы не стать лицомъ къ лицу съ этими печальными проявленіями т. н. культуры нашего времени. И что поразительнѣе всего,—зло растеть, неудержимо ширится и разстраиваетъ мирное теченіе жизни. Люди вдумчивые справедливо говорятъ, что, если зло не будетъ положено предѣлъ какими-либо рѣшительными мѣрами, оно раздавитъ всѣхъ насъ, оно сокрушитъ всѣ блага человѣчества и вернетъ насъ къ тому дикому состоянію, которое извѣстно намъ лишь изъ исторіи. Чѣмъ же можно горю помочь?

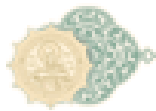
Съ тѣхъ поръ какъ Христосъ Спаситель далъ міру Свое Евангеліе и явилъ въ Своемъ лицѣ образъ любви, жертвующей собою за людей *до конца*,—самымъ дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ нищетою и бѣдностью, съ пороками и преступленіями является любовь, но любовь Христова, т. е. полная, совершенная. Нельзя сказать, чтобы мы не проявляли любви въ отношеніи къ пуждающимся въ нашей помощи ближнимъ нашимъ, но эта любовь останавливается въ самомъ началѣ своего дѣйствія.

Вотъ, насъ окружаютъ бѣдняки и нищіе съ просьбами о подаваніи; мы проникаемся милосердіемъ къ нимъ и даемъ имъ милостыню по нашимъ средствамъ. Несомнѣнно, это есть дѣйствіе любви, но любви несовершенной; это есть лишь порывъ любви, а не самая любовь. Если бы въ данномъ случаѣ мы полюбили настоящею любовью, мы не удовлетворились бы одною милостышею, п. ч. этого, очевидно, слишкомъ мало; мы бы напрягли всѣ силы, чтобы создать вокругъ этихъ несчастныхъ людей условія, при которыхъ они могли бы стать на ноги, принятыя за трудъ, проникнувшись сознаніемъ, что стыдно ложиться тяжелымъ бременемъ на рабочія силы народа, когда можно быть ему полезнымъ. Для

что мы постарались бы открывать побольше рабочихъ и тренингахъ домовъ, привлечь къ нимъ вниманіе нашихъ ближнихъ, установить братскій надзоръ за тѣми, кто не желаетъ идти въ эти дома, разузнать ихъ жизнь и найти лѣкарство «протигать ихъ нищенскаго ремесла. Мы также приложили бы общія усилія, чтобы улучшить трудъ бѣдныхъ людей, повысить его цѣнность, чтобы онъ могъ прокормить этихъ людей. Конечно, и въ настоящее время это дѣлають разные благотворительныя учрежденія—правительственныя и общественныя, но не потому ли они не въ состояніи справиться съ трудною своею задачею, что мы не идемъ къ нимъ на помощь съ любовью Христовою? Въ нихъ служатъ чиновники, относящіеся къ дѣлу сухимъ, внѣшнимъ образомъ; но нѣтъ въ нихъ души любящей, жертвующей собою, все покрывающей и все терпящей. Чувствуютъ это нищія и бѣдняки, и предпочитаютъ работнымъ домамъ улицы и трущобы. Ахъ, если бы мы полюбили *до конца*, сколько горя исчезло бы изъ нашей жизни!

Вотъ еще примѣры.

Тѣ же нестерпимыя условія нашей современности вызываютъ на улицу цѣлую армію дѣтей—безпріютныхъ, безродныхъ, растущихъ среди разврата и всевозможныхъ пороковъ. Голодные и холодныя, съ задатками гибельныхъ привычекъ, они встрѣчаютъ насъ всюду, бѣгутъ за нами, выпрашиваютъ „конфетки“ и всѣмъ своимъ существомъ вызываютъ къ нашему милосердію. Наша любовь не можетъ равнодушно проходить мимо нихъ, и это питаетъ ихъ изо дня въ день. Но кто изъ насъ скажетъ, что мы проявляемъ здѣсь любовь полную, совершенную, что мы любимъ *до конца*? Если бы это было такъ, мы отказались бы отъ всѣхъ своихъ удовольствій и излишествъ, какія позволяемъ себѣ, отказались бы даже отъ необходимаго, чтобы только приютить всѣхъ этихъ нищихъ дѣтей, согрѣть ихъ лаской, вырвать ихъ изъ той бездны зла, на краю которой они безпечно скользятъ, и

приготовить ихъ для жизни разумной и полезной. Въмѣсто небольшого количества дѣтскихъ приютовъ, переполненныхъ и потому вынужденныхъ постоянно отказывать въ пріемѣ сотнямъ и тысячамъ дѣтей, у насъ возникали бы цѣлыя сѣти этихъ приютовъ, и заброшенные дѣти росли бы въ нихъ подъ надежнымъ руководствомъ и добрымъ попеченіемъ любящихъ людей. Но, къ нашему горю, всего этого нѣтъ, и ч. нѣтъ у насъ въ груди той безпокойной любви, которая никогда не удовлетворяется малымъ, но ищетъ все большаго, желаетъ дать любимому все, чтобы и самой получить всю полноту счастья, блаженства. Надобно полюбить этихъ дѣтей *до конца*, быть при нихъ неотступно, работать для нихъ беззавѣтно, пока они окончательно не будутъ спасены. Мало питать ихъ „копѣйками“,—нужно дать имъ сердце, полное любви Христовой, и тогда все будетъ дано.

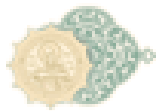
И не думайте, бр., что только въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы рассказали, требуется любить *до конца*, по примѣру Спасителя: вездѣ, гдѣ жизнь не можетъ обойтись безъ нашего участія, и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, добрые успѣхи обезпечиваются только совершенною любовью, не знающею никакихъ границъ для своего дѣйствія въ мірѣ.

Вотъ, въ наше время много говорятъ о необходимости бороться съ развращающимъ вліяніемъ дурныхъ книжекъ, безнравственныхъ произведеній искусства и того губительнаго яда, который вливаютъ въ души нашихъ ближнихъ разные увеселительные сады, оперетки, кинематографы и т. п. Дѣйствительно, это зло слишкомъ велико, чтобы его не замѣчать и не бороться противъ него. Простое состраданіе къ людямъ должно вызывать насъ на эту борьбу. Но боремся ли мы на самомъ дѣлѣ?—Нѣтъ, мы только возмущаемся, говоримъ о борьбѣ, призываемъ къ ней другихъ, а сами готовы только созерцать борьбу. Почему же такъ? Не потому-ли, что любви къ ближнимъ у насъ нѣтъ настоящей, что обыкновенное состраданіе и печаль о нихъ мы приени-

нскому за любовь? Ахъ, если бы мы почувствовали въ груди своей огонь Христовой любви, мы нашли бы несокрушимыя средства борьбы съ этими искушеніями нашего времени, которыя не были извѣстны нашей благочестивой старинѣ; мы сразу опрокинули бы все, что идетъ противъ нашей вѣры, нашего благочестія, противъ нашихъ добрыхъ нравовъ, противъ скромности и цѣломудрія нашихъ дѣтей, противъ взаимной преданности и вѣрности нашихъ мужей и жень. Мы перестали бы читать безпутную литературу, перестали бы посѣщать тѣ мѣста, гдѣ сѣется зло, гдѣ опускается человѣческая душа. Достаточно было бы этого одного нашего натиска, чтобы врагъ былъ побѣжденъ... Но на это можетъ рѣшиться только совершенная любовь къ добру и благу нашихъ ближнихъ. Если бы завтра появилось въ газетахъ сообщеніе, что въ нашемъ городѣ открылась чума, то не подумали бы мы, какъ бѣжать изъ зачумленнаго города? Но вотъ, нравственная чума похищаетъ души нашихъ ближнихъ на нашихъ глазахъ, а мы остаемся равнодушны: не означаетъ ли это, что нѣтъ у насъ любви совершенной, любви Христовой?..

Да, бр., если мы внимательно посмотримъ вокругъ себя и обсудимъ всю свою жизнь какъ бы перечень Богомъ, то увидимъ, что мы даже боимся той любви, которая любитъ до конца, и потому убаюкиваемъ себя любовью на часъ, на нѣсколько мгновеній. Мы находимъ, что это какъ-то покойнѣе.

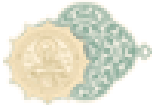
И оно дѣйствительно покойнѣе. Вѣдь любовь Христова никогда не можетъ успокоиться; она никогда не удовлетворяется достигнутыми результатами; благо любимыхъ существъ захватываетъ ее все шире и шире, и она дѣлаетъ для нихъ безконечно больше, чѣмъ они ожидаютъ и даже желаютъ. Такова была любовь Спасителя. Для человѣчества уже и то было безконечнымъ благомъ, что Сынъ Божій научилъ людей знать истиннаго Бога и поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ, что Онъ явилъ міру имя Божіе и открылъ волю Отца небеснаго. Но Иисусъ Христосъ совершилъ еще

великое множество знаменій и чудесныхъ исцѣленій, вездѣ являясь милосерднымъ Врачемъ душъ и тѣлесъ, любящимъ и сострадательнымъ Другомъ людей. Но для Его любви и этого было мало. Онъ болѣлъ всѣми немощами человечества, Онъ взялъ на Себя всѣ грѣхи людей, Онъ выстрадалъ ихъ въ Своей божественной душѣ и не оставилъ Своего попеченія о человѣкѣ, пока на Голгоетскомъ Крестѣ не запечатлѣлъ Своей любви къ нему. А готовясь взять на Свои рамена этотъ Крестъ спасительный, Онъ далъ людямъ Свою пречистую Плоть и Кровь, чтобы питать ихъ въ жизнь вѣчную: такъ возлюбилъ Онъ насъ *до конца*...

Очевидно, бр., что подобная любовь возможна только для тѣхъ, иже Христовы суть, т. е. принадлежать Христу. Необходимо стать Христовымъ ученикомъ, чтобы воспитать въ себѣ совершенную любовь. Никто и ничто въ мірѣ не можетъ дать намъ этой любви. Поэтому, до тѣхъ поръ люди будутъ страдать отъ недостатка любви, а жизнь ихъ будетъ аять страшною бездною всякихъ пороковъ и преступленій, всякаго зла, пока они не обратятся ко Христу и не примутъ на себя Его *благого ша*. Въ настоящее время это не легко, п. ч. желающій найти Христа встрѣчаетъ на своемъ пути много препятствій, и счастливы, блаженны тѣ, кто никогда не терялъ Христа, кто знаетъ, что Онъ выну пребываетъ въ Своей церкви, въ ея ученіи и благодатныхъ таинствахъ. Сколько есть теперь несчастныхъ, заблуждающихся и уходящихъ въ пустыни за лжецами, которые предвосхищаютъ знаменіе послѣднихъ дней, обманывая людей сатанинскими возгласами: „*вотъ здѣсь Христосъ, вотъ Онъ въ пустынь, вотъ Онъ въ потаенныхъ мѣстахъ*“. Много появилось такихъ лжецовъ, и оттого оскудѣваетъ любовь Христова въ людяхъ; оттого и мы не чувствуемъ въ себѣ дыханія совершенной любви...

Отринемъ же, бр., всякую неправду и всякую ложь, устремимъ всѣ свои помыслы къ небесному Лику Христову, столь ярко сіяющему въ нашей Церкви православной, и, не-

преставило взырымъ на Ного, будемъ преобразжаться въ тотъ же образъ—и мыслями, и чувствами, и дѣлами своими,—и вѣруемъ Богъ: снова любви Христова озарить сердца вѣрующаго и снова міръ пойметъ, что значить любить беззалично, безпредѣльно, *любитъ до конца*. Аминь.

Прот. Н. Гроссу.